

зия и эпентеза). В гармонии гласных аффикса автор выделяет два типа изменений: простое ($\frac{a}{e}$, например, в аффиксе дательного падежа) и двойное ($\frac{i}{i}$, $\frac{ü}{u}$, например, в аффиксах принадлежности). Гласная аффикса представляет собою некую непостоянную величину, границы изменений которой определяются принадлежностью гласной к определенному классу, т. е. гласная аффикса всеми своими изменениями не выводится за пределы своей категории (узких или широких гласных).

Вторая часть работы дает принципиальные установки автора по вопросу о морфологической структуре слова. Следует отметить, что в целом они остались теми же, что и в «Грамматике». В составе слова Ж. Дени выделяет корень, который сам по себе может играть морфологическую роль в предложении, словообразующий суффикс¹ и окончание (словоизменятельный аффикс). Автор выделяет также понятие смешанных аффиксов (*-ki* и аффиксы принадлежности), которые по характеру своего проявления в слове обладают чертами, общими для аффиксов словообразования и словоизменения. Составные элементы турецкого слова имеют относительно постоянный характер, что обуславливает отсутствие исключений в грамматике и прозрачность морфологической системы. Таким образом, турецкое слово, состоящее из ряда последовательно присоединяющихся аффиксов, скрепляется и упорядочивается явлением гармонии гласных и изменением по глухости-звонкости. Ж. Дени выделяет три схемы турецкого слова: корень (непроизводное слово), слово, имеющее в своем составе словообразующий аффикс, и слово, имеющее в своем составе аффикс словоизменения. Термины «корень» и «непроизводное слово» в каждом отдельном случае имеют предварительный характер, так как недостаточность сравнительного изучения алтайских языков не позволяет с уверенностью говорить, имеем ли мы дело действительно с непроизводным словом. Слова 1-й и 2-й схемы Ж. Дени называет основами или «несклоненными» (поп *fléchi*) в противоположность словам третьей схемы, имеющим в своем составе «окончания». Ж. Дени подчеркивает, что с теоретической точки зрения основы могут рассматриваться как содержащие нуль словоизменятельной формы. Как и в «Грамматике», Ж. Дени выделяет понятие изменяемых и неизменяемых слов в зависимости от их способности принимать словоизменятельные аффиксы. Сам словоизменятельный аффикс определяется как элемент, который заставляет именные основы терять значение основного падежа, а глагольные основы — значение повелительного наклонения 2-го лица ед. числа.

«Основы турецкой грамматики» представляют интерес для тюркологов. Составление научных грамматик различных тюркских языков продолжает оставаться актуальной задачей советской тюркологии. В этой работе, несомненно, должно учитываться и новое исследование Ж. Дени.

Э. А. Грунина

T. Lehtisalo. Juraksamojedisches Wörterbuch². — Helsinki, 1956. CIX, 601 стр.

Рцензируемая работа финского ученого проф. Т. Лехтисало состоит из 710 страниц, из которых 109 заняты предисловием, 522 — ненецко-немецким словарем и 79 — алфавитным указателем немецких слов, при помощи которых переведены соответствующие ненецкие слова.

В предисловии автор описывает свои путевые впечатления во время путешествия в Северо-Восточную Сибирь и на Европейский Север России и пребывания в различных районах расселения нелцев, среди которых он провел в общей сложности три года (с некоторым перерывом с 1911 по 1914 г.).

Словарь построен главным образом на материале, извлеченном составителем из записей ненецкого фольклора, а также из собранных им этнографических данных, характеризующих дореволюционный быт ненецкой народности. Уже то обстоятельство, что материал собран самим автором, придает работе значительную ценность. Вместе с тем характером материала определяются и основные особенности словарика. С одной стороны, дается большое количество слов с ограниченной сферой употребления, а также слов, не встречающихся уже как норма в разговорной ненецкой речи. К ним относятся слова, связанные с различными видами дореволюционной хозяйственной деятельности

¹ Ж. Дени употребляет этот термин в значении родового понятия «аффикс», так как не противопоставляет его «префиксу», отсутствующему в тюркских языках.

² Проф. Т. Лехтисало сохраняет в своей работе для наименования нелцев термин «самоеды-юраки» (или «юраки»), принятый в зарубежной и в дореволюционной русской литературе, в соответствии с чем ненецкий язык обозначается им как юрако-самоедский.

непев, религиозными представлениями, религиозными обрядами и др. Отражен ушедший в прошлое быт, отжившие формы хозяйства и мировоззрения, некоторые слова, включенные в словарь, в настоящее время уходят из языка. Поэтому приведенный материал весьма важен для изучения прошлого ненецкой народности. С другой стороны, несмотря на довольно большой объем словаря, для него характерна известная ограниченность лексики: в нем не отмечено значительное количество широко употребительных слов.

Насколько можно судить в результате просмотра словаря, автор рецензируемой работы не ставил перед собой задачу полностью раскрыть значения приводимых им ненецких слов. По-видимому, указываются лишь те значения, которые встретились в его материалах. Поэтому на данной стороне вопроса мы не останавливаемся. Укажем только, что в словаре ограничено представлены переносные значения слов и идиоматические выражения, которыми так богат ненецкий язык.

Перевод ненецких слов на русский язык (а также на немецкий) нередко оказывается весьма затруднительным, поскольку значения многих ненецких слов приходится не переводить, а толковать на русском (или немецком) языке. В основном Т. Лехтисало удалось, как нам кажется, успешно справиться с этой весьма нелегкой задачей. Но вместе с тем в переводе ряда слов и выражений имеются, с нашей точки зрения, неточности. Так, например, выражение *jēdāi ʰōtβ'āāβzr' jāŋGu* (в нашем написании: *jēdāi hombadaša jaleu*) (стр. 120, левый столбец) переведено: «Мы не имеем нового заработка». Более точно перевести это выражение следовало бы так: «Мы ничего не находим нового» (дословно: «новое находимое наше отсутствует»). Слово *jēdāi* [в нашем написании: *jēdān*] (стр. 120, правый столбец) переведено «танцевать». Насколько нам известно, это слово применяется для обозначения движений ногами, которые производят во время религиозного обряда присутствующие вслед за шаманом¹; оно употребляется также в значении «приплясывать на одном месте».

Транскрипция в словаре принята фонетическая, а не фонологическая. При помощи различных диакритических знаков обозначены довольно тонкие звуковые нюансы. Имея известные достоинства, фонетическая транскрипция вместе с тем не всегда отражает состав фонем того или другого языка. В частности, в рецензируемой работе не выделяются две гортанные смычные фонемы. В результате слова, различающиеся между собой характером конечного гортанного смычного звука, оказываются омоними, хотя в приведенном иллюстративном материале составителю неизбежно приходится отмечать различия в чередовании как одного, так и другого гортанного смычного звука. Например:

jā^h «сажа» (вин. падеж мн. числа *jāŋū*), *jā^h* «прядь волос» (то же *jāššū*), *Bī^h* «тундра» (то же *βīŋŋū*), *βī^h* «путешествие шамана в другом мире» (то же *βīdū*) и др.

В этом отношении Т. Лехтисало отстывает от М. А. Кастрена, который различал и обозначал каждый из гортанных смычных звуков, хотя и рассматривал их в качестве особых придыханий (Aspiration)².

В словаре отражены фонетические особенности ряда говоров обоих наречий ненецкого языка (как тундрового, так и лесного), причем обозначена принадлежность того или иного фонетического варианта слова тому или иному говору. Это является ценным для изучения диалектных особенностей ненецкого языка и составляет несомненную заслугу рецензируемой работы. При ряде заимствованных слов даются указания, из какого языка (русского, коми-зырянского или ханты-мансийского), по предположению составителя, они проникли в ненецкий язык. Можно только пожалеть, что принцип диалектологического словаря выдерживается не всегда последовательно.

Словарь богат иллюстрированными примерами, причем многие иллюстрации даны из шаманских текстов, из мифологических преданий и др. Примеров из живой разговорной речи приводится сравнительно немного.

Слова расположены по гнездовому принципу. Сам по себе такой принцип подачи материала, по нашему мнению, в известных случаях закономерен. Он дает возможность более отчетливо показать связи между различными однокоренными словами (даже в том случае, если значения производных слов существенно отличаются от значения корневого слова), установить порой довольно неожиданные для современного языка сближения. В словаре действительно приводятся интересные в плане исторической семантики лексические гнезда. Так, например, устанавливается связь слова *jār'qī* «заслон от ветра и дождя» со словом *jār'qī^h* «бок», «сторона». Т. Лехтисало указывает при этом, что в делях зашиты от ветра и дождя ненцами употребляется несколько палок (от трех до шести), наклонно воткнутых в землю с привязанной к ним берестинной покрывкой. Естественно, что такого рода сооружение может служить защитой

¹ Характерным для раскрытия значения этого слова является употребление его по отношению к ребенку, который не может еще твердо держаться на ногах, но делает попытку приподнять то одну, то другую ножку. Эти движения ребенка предвещают, по представлениям ненцев, хороший промысел — наполнение котла (ср. *jēd* «котел»).

² М. А. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg, 1854.

лишь с одной какой-либо стороны, отсюда и особенность его обозначения. Это сближение подкрепляется наличием в ненецком языке слова *jār'ǝ* «быть на боку», «лежать на боку» и слова *jār'ǝǝ* «половина чума». От того же корня происходит слово *jār'n'ǝp* «дальний родственник со стороны жены» (точнее: «войственник»). — Н. Т.), а также словосочетание *jār'n'a* «побочный брат», не отмеченное в словаре.

Слово *jārōkku* (*jārōkko*) «ковш», «черпак» возводится к слову *jār'ǝ* «нарост на дереве». В прошлом материал этот применялся ненцами для изготовления различной посуды (чашек, ложек и пр.). Слово *jār'ǝ* имеет также значение «хрящевой нарост на лбу упряжного оленя, вызванный налобой костью упряжника»¹.

Однако принятый принцип расположения слов проводится в ренезируемом словаре, по нашему мнению, не вполне последовательно. С одной стороны, к одному гнезду относятся слова, значительно различающиеся между собой по звуковому составу и морфологическому построению, хотя и происходящие от одного корня. Так, например, слова *jāttēm'i's* «стать светлым», «наступить» (о дне), *jāttēm'i* «осветить», «сделать светлым» (после темноты), *jā't'ēkko* «светлый», *jā't'ēnānp* «блестящий», «белый», *jāttēm'i* «утренняя заря»², *jāttēm'i* «стать белым, седым, блестящим», *jātmrā* «сделать белым, блестящим, седым», *jā'ten*, *Gā't'e* «нарась» и др. даны на слово *jā't'e* «свет», «солнце», «день». Различия в этих словах не помещали составителю, с нашей точки зрения, вполне правильно, объединить их все в одном гнезде. С другой стороны, ряд слов выделяется в особые словарные статьи, а не дается внутри того словарного гнезда, с которым они, как нам представляется, явно связаны по своему корневому значению. Так, слово *jāb'ǝn's* «сидеть в лодке по морю»³ и по корневому составу и по лексическому значению явно связано со словом *jām'ǝ* «море», но помещено в гнезде *jāb'ǝn'i's* «охотиться на белых медведей»; выделение последнего гнезда в качестве самостоятельной лексической единицы нам представляется неоправданным, так как слово *jāb'ǝn'i's* является производным от слова *jāb'ǝ* «белый медведь»⁴, которое, в свою очередь, восходит к слову *jām'ǝ* «море».

В гнезде *ǝāǝ* «слово», «язык», помимо уменьшительной и ласкательной форм этого слова, даны глагол *ǝāǝ'e's* «рассказывать», а также глагол *ǝāǝ'inōri's* «сплетничать», «судачить». В то же время глагол *ǝāǝā'i's* «заговорить», «начать говорить» выделен в особую словарную статью, в которую помещено также слово *ǝāǝ'e's* «речь», «разговор». Ни в одно из этих гнезд не включены не только такие слова, как *waǝri* «пустослов», *waǝsi* «безоговорочно», *waǝs'ada* «безоговорочный», *waǝs'alama* «замолкнуть», «умолкнуть», «лишиться слова», *waǝs'alide(s)* «заставить умолкнуть», *waǝaǝal'ǝ* «упомануть» (о ком-, о чем-либо), *waǝaǝn'anda* «словно», «будто», *waǝeǝ* «предмет разговора», *waǝ'e'la* «сказатель» и другие, но и глагол *waǝ* «сказать», к которому в конечном счете восходят все указанные выше слова.

Вместе с тем наблюдаются случаи, когда различные, с нашей точки зрения, по своему происхождению слова соединяются в одном словарном гнезде. Слова *jāp'ǝq's* «выбить», «выколлоть колотушкой или палкой» (снег с обуви перед тем, как войти в жилище помещика, пыль из шкур и пр.), *jāp'ǝq's* «лопатка для осмотра игеля и выколачивания шкур» (у мужчины), «палка» (у женщины) даются в одном гнезде со словом *jāp'ǝq* «продолбить лед». Слова эти, хотя и близкие по своему звучанию, различаются по значению и вряд ли могут рассматриваться в качестве однокоренных. В то же время слово *jāp'ǝq* «отверстие во льду», «прорубь» выделено в особую словарную статью, хотя именно с ним связано по своему корневому составу слово *jāp'ǝq*⁵.

¹ Наличие в современном ненецком языке омонимов *jār'ǝ* «бок», «сторона», и *jār'ǝ* «нарост на дереве», возможно, объясняется единством происхождения обоих этих корневых слов: «нарост на дереве» — это то, что не относится к основному стволу, нечто побочное.

² Слово *jāttēm'i* (в нашем написании *jālum'd*, *jālam'd*) означает просто «заря»: *huw* *jālum'd* «утренняя заря», *ǝwš'umby* *jālum'd* «вечерняя заря».

³ В инфинитивной форме передает понятие «охотиться на морского зверя».

⁴ Описательное название, дословно: «морской».

⁵ Различия в звуковом составе этих слов объясняются диалектными соответствиями — первое слово записано Т. Лехтисало от лесных ненцев, второе — от тундровых.

Со словом *jāǝa(s)* «продолбить лед» значительно более тесно связано по своему значению не отмеченное в словаре слово *jāǝa(s)* «привить», «сделать прививку». Действия этих глаголов сближаются в сознании ненцев, по-видимому, по сходному их результату — разрыву сплошного верхнего покрова.

В словарной статье *ṣāḍā*, судя по нашим материалам, объединены две различные группы слов: *wāḍā(c')* «вести»; *wāḍā(c')* 1) «вырастить», «выкормить», «воспитать», 2) «развести» — с различными производными формами.

Не всегда выделено по единому принципу ведущее слово в гнезде. Например, в качестве основного слова в гнезде *jārā* «положить на бок», *jār'ā* «быть на боку» и пр. выделено слово *jār'ā* «бок», «сторона», а в гнезде *jārāḡā* «плакса», *jārāḡā* «довести до слез», *jārāḡāḡā* «с плачем» и пр. — *jār'ā* «плакать» при наличии слова *jār* «плача».

Нам представляется не вполне ясной система, по которой даются производные слова: в некоторых гнездах представлено значительное количество производных слов. Для других, не менее богатых по возможностям однокоренных образований слов, производные слова даются очень ограниченно или не даются вовсе. Например, в словарном гнезде *jāḡā* «счастье», «удача» дано только три однокоренных слова: *jāḡāḡā* «счастливый», *jār'āḡā* «несчастный», *jāḡāḡāḡā* «счастливей». В речи число слов с этим корнем неизмеримо больше: *jāḡāḡāḡā* «стать несчастным», *jāḡāḡāḡā(c')* «сделать несчастным», *jāḡā* «счастливо», *jāḡāḡā(c')* «осчастливить», «сделать счастливым», *jāḡā* «иметь счастье», «пользоваться счастьем», *jāḡā* «счастливый», «счастливей» и др.

Сам отбор производных слов всецело обуславливается, по-видимому, имеющимися материалами: в одних гнездах даются одни словообразовательные формы, в других — другие.

В отдельных случаях вызывает сомнение принцип выделения самостоятельных слов. Так, например, на стр. 122 в качестве заглавного слова гнезда дано *jī* «бедный», «вызывающий сожаление». Судя по приведенным примерам, речь идет, как нам представляется, об одном из суффиксов субъективной оценки — сожальтельном суффиксе *-je (-ju)* [ср., например, *nydar* «ты» и *nydjer* «ты бедняга», *nydara* «вы (многие)» и *nydjera* «вы (многие) бедняги» и др.]. В эту же словарную статью включены такие самостоятельные слова, как *jēḡāḡā* «сирота», *jēḡāḡāḡā* «стать сиротой», *jēḡāḡāḡā* «оставить сиротой».

Приходится сожалеть, что сложность принятой транскрипции, а также некоторые особенности построения словаря ограничивают круг возможного его использования и затрудняют, по нашему мнению, в ряде случаев нахождение нужного слова.

Работа по составлению словаря такого лексикологически почти совершенно не изученного языка, каким является ненецкий язык, очень сложна и чрезвычайно трудоемка. Составитель не может здесь опираться на уже имеющийся опыт, а должен сам ставить и разрешать все вопросы лексикографии, пытаться решать вместе с тем и основные вопросы лексикологии. Большая заслуга проф. Т. Лехтисало состоит в том, что он один из первых взялся за эту работу, соответствующим образом обобщил имеющиеся в его распоряжении богатые материалы и создал серьезный научный труд, который является значительным вкладом в исследование далеко недостаточно еще изученного ненецкого языка.

Выход в свет труда проф. Т. Лехтисало следует всячески приветствовать.

Н. М. Терещенко

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В работе «Оптитив в функции прошедшего времени в хорезмийском языке»¹ польский ученый З. Рысевич, ссылаясь на работу пишущего эти строки «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке» («Уч. зап. [ЛГУ]», № 60, Серия филол. наук, вып. 6, 1940), повторенную затем в книге «Хорезмийский язык» (I, М.—Л., 1951), приводит содержащиеся в ней данные в подтверждение известной уже в науке роли оптитива в ряде индоевропейских языков в образовании прошедшего времени.

Из большого числа приведенных Рысевичем работ, посвященных вопросу об отношении оптитива к прошедшему времени, наиболее существенное значение имеет одна из последних работ Э. Бенвениста «Претерит и оптитив в индоевропейском» (E. Benveniste, Prétérit et optatif en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVIII, fasc. 1, 1951, стр. 11—20).

С талантом, присущим этому выдающемуся языковеду, он вскрывает вероиспытанный генезис сближения, смещения функций претерита и оптитива. Этому сближению со-

¹ Z. Rysiewicz, Optativus w funkcji czasu przeszłego w chorezmijskim, «Biul. Polsk. t-wa językoznawczego», zesz. XIII, Kraków, 1954, стр. 93—98.